

**РУССКИЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ АНЕКДОТ
XVIII – XIX вв.**

Составитель Виктор Мозговой

РУССКИЙ ОСТРОВ

Владивосток

2016

Русский военно-морской анекдот XVIII – XIX вв. /
М Сост. В.П. Мозговой. – Владивосток: Русский Остров,
2016. – 28 с.

Во времена «золотого века русского парусного флота» слово «анекдот» носило несколько иное, отличное от современного значение. Тогда под словом «анекдот» понимался прежде всего короткий рассказ о каком-либо историческом лице в сочетании с известной долей юмора, а порой и без него.

Для любителей отечественной военно-морской истории.

© Мозговой В.П., составление, 2016
© Издательство «Русский Остров», оформление, 2016

Домик Петра I

К этому домику, по преданию, Петр в качестве кормчего привел первое торговое фрисландское судно с товарами. Угостил обедом шкипера, который представить себе не мог, что находился во дворце у императора, и обошелся с Петром по-товарищески. Государь, заметив ошибку, представил ему жену. Шкипер подарил ей сыр, сказав, что подобного она никогда не ела, и довольный ее ответом, вынув из-под полы кусок полотна, просил принять нарубашки. «Ну, Катя, – сказал Петр, ты теперь будешь нарядна и горда, как императрица! Какая ты счастливая! Тебе бы ввек не видать таких рубашек!» Шкипер просил поцеловать его за подарок. В эту минуту к царю вошел Меншиков в орденах и, не зная ничего, стал почтительно докладывать о делах. Шкипер смутился. Но царь приказал выйти Меншикову и убедил голландца, что в Петербурге господа со звездами и лентами не редко являются с любезностями ко всякому, кто имеет деньги, чтобы занять у него, и советовал беречься от них. Голландский купец поверил царю и стал продавать ему свои товары, и только под конец, когда к царю явился капитан с рапортом о смене, купец понял шутку царя, упал к его ногам и просил извинения. Петр милостиво поднял его, купил все товары и пожаловал ему многие привилегии на будущее время.

Царь не любил никаких игр и охоты, или других увеселений. Лучшее его удовольствие – быть на воде. Вода составляла его настоящую стихию, он целый день иногда проводил на яхте, буере или шлюпке, в этом он не уступал никому, разве только одному адмиралу Крюйсу. Однажды, когда Нева уже почти замерзла, и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не переставал, однако, плавать взад и вперед на каком-нибудь кораблике до тех пор, пока было возможно. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорожку шагов на сто в длину и на тридцать в ширину,

и здесь каждый день катался по гладкому льду на буере. Все лица, служившие на флоте, если имели до государя просьбу, должны были говорить не «ваше величество», а «Mon Heer Shout by Nacht», после его он их выслушивал и отсылал просителя к адмиралу.

При Петре Великом в Петербурге была особая церемония при замерзании и вскрытии Невы. Замерзание возвещалось жителям через одного из придворных шутов барабанным боем. Он же был обязан прежде всех перейти по льду, в каком-нибудь странном наряде, в сопровождении нескольких человек, из которых один нес холщевое знамя, а другие следовали с лопатами, веревками и крючками. О вскрытии Невы возвещалось тремя пушечными выстрелами из Петропавловской крепости, и первым переезжал Неву сам царь, а в его отсутствие генерал-адмирал (Ф.М. Апраксин) или комендант города (А.Д. Меньшиков).

Гроза турок – Федор Федорович

Известный своими победами на море адмирал Федор Федорович Ушаков в частной жизни отличался большими странностями: при виде женщины, даже пожилой, приходил в страшное замешательство, не знал, что говорить, что делать, стоял на одной ноге, вертелся, краснел.

Отличаясь неустрашимой храбростью, он боялся тараканов, не мог их видеть. Нрава он был очень вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия; но гнев его скоро утихал. Камердинер его, Федор, один только умел обходиться с ним, и когда Ушаков сердился он сначала хранил молчание, отступал от Ушакова, но потом сам в свою очередь возвышал голос на него, и барин принужден уже был удаляться от слуги, и не прежде выходил из кабинета, как удостоверившись, что гнев Федора миновал. Ушаков был очень

набожен, каждый день слушал заутреню, вечерню, и перед молитвами никогда не занимался рассмотрением военно-судных дел; утверждая приговор был исполнен доброты.

Ушаков был долго грозою и бичем турок, которые иначе его не называли, как паша-Ушак; он приобрел все чины и все знаки отличия только личною своею храбростью.

Происходил он родом из бедных тамбовских дворян, Темниковского уезда, и очень любил всем рассказывать, как он в молодости ходил в лаптях.

В 1801 году Ушаков был определен главным командиром Балтийского порта и всех корабельных экипажей, находившиеся в Петербурге. Он представил в 1806 году в дар отечеству алмазную челенгу; но император возвратил ему, сказав: что знак этот должен сохраняться в потомстве его, как подвигов его в водах Средиземного моря.

Суворов очень уважал Ушакова, начальствовавшего в то время соединенным российско-турецким флотом в Средиземном море, то, прочитав некоторые бумаги, Суворов обратился вдруг к привезшему их и спросил: «А что, здоров ли мой друг Федор Федорович?». Посланный курьер-немец не сразу догадался о чем спрашивает Суворов и, не знавший еще всех причуд героя, смутившись сказал: «А, господин адмирал фон-Ушаков! Я оставил его в добром здравии, и он поручил мне засвидетельствовать вашему сиятельству свое искреннее почтение». – Убирайся ты с твоим фон. Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они ни хтбешмиргагеры, немогузнайки, а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался грозою для турок, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело – освобождение Италии, отнял у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто – Федор Федорович.

Чичагов и монархи

В 1789 и 1790 годах адмирал (В. Я.) Чичагов одержал блистательные победы над шведским флотом, которым командовал сначала герцог Зюдерманландский, а потом сам шведский король Густав III. Старый адмирал был осыпан милостями императрицы(...). При первом после того приезде Чичагова в Петербург императрица приняла его милостиво и изъявила желание, чтобы он рассказал ей о своих походах. Для этого она пригласила его к себе на следующее утро. Государыню предупреждали, что адмирал почти не бывал в хороших обществах, иногда употребляет неприличные выражения и может не угодить ей своим рассказом. Но императрица осталась при своем желании.

На другое утро явился Чичагов. Государыня приняла его в своем кабинете и, посадив против себя, вежливо сказала, что готова слушать. Старик начал... Не привыкнув говорить в присутствии императрицы, он робел, но чем дальше входил в рассказ, тем больше оживлялся и наконец пришел в такую восторженность, что кричал, махал руками и горячился, как бы при разговоре с равным себе. Описав решительную битву и дойдя до того, когда неприятельский флот обратился в полное бегство, адмирал все забыл, ругал трусов-шведов, причем употреблял такие слова, которые можно слышать только в толпе черного народа. «Я их... я их...» – кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей...

– Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...

– Ничего, – кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, – ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею.

Она так простодушно говорила это, что старик от души поверил, опять сел и докончил рассказ. Императрица отпустила его с чрезвычайным благоволением.

Адмирал Чичагов, после неудачных действий своих при Березине в 1812 году, впал в немилость и, получив значительную пенсию, поселился за границей. Он невзлюбил Россию и постоянно отзывался о ней резко свысока. П.И. Полетика, встретившись с ним в Париже и выслушав его осуждения всему, что у нас делается, наконец сказал ему с своей язвительной откровенностью:

– Признайтесь, однако ж, что есть в России одна вещь, которая так же хороша, как и в других государствах.

– А что, например?

– Да хоть бы деньги, которые вы в виде пенсии получаете из России. Чичагов был назначен членом Государственного совета. После нескольких заседаний перестал он ездить в Совет. Доведено было о том до сведения государя. Император Александр очень любил Чичагова, но, однако же, заметил ему его небрежение и просил быть вперед точнее в исполнении обязанности своей.

Вслед за этим Чичагов несколько раз присутствовал и опять перестал. Уведомясь о том, государь с некоторым неудовольствием повторил ему замечание свое. «Извините, Ваше Величество, но в последнем заседании, на котором я был, – отвечал Чичагов, – шла речь об устройстве Камчатки, а я полагал, что все уже устроено в России, и собираться Совету не для чего».

XXX

«Никогда я не могла хорошенько понять, какая разница между пушкой и единорогом», – говорила Екатерина II какому-то генералу. «Разница большая, отвечал он, – сейчас доложу Вашему Величеству. Вот извольте видеть: пушка сама по себе, а единорог сам по себе». – «А, теперь понимаю», – сказала императрица.

В 1770 году, по случаю победы, одержанной нашим флотом над турецким при Чесме, митрополит Платон произнес, в Петропавловском соборе, в присутствии императрицы и всего двора, речь, замечательную по силе и глубине мыслей. Когда вития, к изумлению слушателей, неожиданно сошел с амвона к гробнице Петра Великого и, коснувшись ее, воскликнул: «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и возри на любезное изобретение свое!» – то среди общих слез и восторга Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку: «Чего вин его кличе? Як встане, всем нам достанется».

Легендарный Лукин

Знаменитый силач капитан-лейтенант Лукин оставил о себе память в виде массы легендарных рассказов про свою невероятную силу. Впрочем все эти рассказы не вымысел праздных повествователей, а действительные факты. Чтобы судить о мускулах Лукина, достаточно только сказать, что он легко удерживал дрожки с впряженным в них рысаком, т.е. придерживая их за заднюю часть он не давал лошади, при всех усилиях с ее стороны, тронуться с места.

Лукин воспитывался в морском корпусе, откуда выпущен мичманом 1-го мая 1789 года. Он был среднего роста, плотный, коренастый; обладал тихим, миролюбивым характером и никогда не злоупотреблял своей силой. Нужно было очень рассердить этого кроткого и терпеливого обыкновенно человека, чтобы он решился пригрозить своими мускулами, но чтобы он привел в исполнение свою угрозу – это было чрезвычайно редко и отмечено как анекдотическое происшествие. Впоследствии он командовал кораблем в эскадре Сенявина и первый бросился на один из турецких кораблей, где и погиб геройской смертью.

Император Александр I, хорошо знавший покойного и не мало дивившийся его силе, благодетельствовал осиротевшее семейство героя, по просьбе известного своего лейб-кучера Ильи, который был прежде крепостным Лукина и тоже обладал феноменальной силой.

Лукин только в веселый час, и то лишь в кругу близких знакомых, показывал подвиги своей необычайной силы. Например, он легко ломал подковы, держал пудовые ядра по полчаса в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. Помимо силы, обладал еще ловкостью и проворностью, и благодаря этому, он являлся в двойне страшным для всякого, кто бы попробовал возбудить его гнев.

В бытность свою в Англии, он произвел совей силой такую сенсацию, что имя его было окружено ореолом славы и обожание к нему англичан, этих эксцентриков по натуре, дошло до того, что в честь его устраивались фесты и знакомство с ним считалось за очень большую честь.

Неизвестно, знал ли Лукин в молодости о своей силе, но один случай произвел на него неизгладимо грустное впечатление. Вскоре после выпуска из корпуса, шел он поздней ночью по Адмиралтейской площади. В то время эта площадь от зимнего дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освещенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукин шел в теплом пальто, левая рука была в рукаве, а правая на свободе под пальто. Вдруг на него сзади нападают два человека: один схватывает его за левую руку и тащит пальто, другой уже успел его сдернуть с правого плеча. Но в этот момент Лукин правой рукой наотмашь ударяет в лицо человека стащившего шубу. Тот как сноп рухнулся на землю. Другой видя поражение товарища, бросился бежать. Оправившись от неожиданного столкновения с разбойниками, Лукин отправляется на Адмиралтейскую гауптвахту и заявляет о случившемся караульному офицеру. Отправились на место происшествия.

Несчастный лежал ничком. Приподняли его, осмотрели – по костюму оказался корабельным плотником, лица же нельзя было рассмотреть, потому что оно было буквально раздроблено. Эта история огорчила Лукина и он сам начал опасаться своего тяжелого удара.

Первый опыт силы, выказанный Лукиным в Англии, в которой он пробыл два года, случился при следующих обстоятельствах.

Как-то обедал Лукин в трактире. После обеда вошел в бильярдную посмотреть на игравших.

Там он спросил себе стакан пунша. Отпив немного, он поставил стакан на подоконник открытого окна и продолжал следить за играющими.

Через несколько минут Лукин берет за свой стакан, но он оказывается опорожненным.

Лукин удивился, но, не слова не говоря по этому поводу, приказывает принести второй стакан с пуншем. Приносят. Опять отпив немного, он снова ставит пунш на прежнее место и, наблюдая по-прежнему за игроками, стал незаметно следить за своим напитком.

Через минуту к окну подходит какой-то джентльмен, берет стакан Лукина и разом его осушает.

Лукин, умевший вовремя быть сдержанным, смолчал на эту бесцеремонность незнакомца и, как ни в чем не бывало, приказывает слуге принести миску пунша. Слуга постарался и притащил чрезвычайно вместительную чашу. Лукин поставил ее перед джентльменом, посягавшим на его стаканы, и сказал:

– Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину?

Джентльмен взглянул на Лукина с иронической улыбкой.

– Покорно прошу! Настаивал Лукин.

Незнакомец что-то крикнул ему в ответ заносчивым тоном. Все находившиеся в бильярдной, предвкушая забавное, подошли к разговаривавшим.

– Отстаньте! Произнес англичанин и хотел было отойти от Лукина, но тот его остановил.

– Пстойте! Сказал русский силач, едва сдерживая волнение. – Вы выпили два моих пунша. Русские, как видите не скупы на угощение. Извольте пить! Если вы не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вам на голову.

При этих словах в толпе послышался недружелюбный говор. Англичане пригрозили Лукину «постоять за своего», а джентльмен, воодушевленный сочувствием граждан, поспешил ответить дерзостью.

Лукин, не задумываясь ни на минуту, приподнимает миску и окатывает нахала пуншем с ног до головы.

Разумеется, это вызвало страшнейший переполох. Все, находившиеся в бильярдной англичане, начали браниться и, вооружившись киями, подступили к Лукину. А он подошел к окну и приготовился к обороне.

Вдруг из окружавшей его толпы выделяется человек огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс.

Однако Лукин не трусит; он вовремя опережает боксера: схватывает его поперек туловища, легко приподнимает и так же легко выбрасывает его за окно. Хотя окно от земли отстояло не высоко, но совершивший неожиданное сальто мортале застонал, проклиная на всю улицу неизвестного силача. Подскочил к Лукину второй смельчак, но и он тотчас же оказался за окном; третьим был первый попавшейся под руку.

Англичане, озадаченные такими подвигами, с невольным ужасом отступили от Лукина и уже в почтительном расстоянии потребовали от него объяснений. Когда выяснилось дело, Лукин был единогласно признан правым. А на другой день в лондонских газетах рассказывались чудеса про русского силача.

Почти тоже повторилось на острове Мальта.

В бытность свою там, Лукин усердно посещал театры. Однажды во время какого-то выдающегося представления, он

чем-то, чуть ли не через чур нелестным для исполнителей отзывом, разобидел зрителей-англичан, которые почти всем театром набросились на него с кулаками и стали было отчаянно боксировать. Но Лукин не смутился ни на минуту; схватил одного из них за ноги и стал побивать им остальных. Англичане в ужасе отступили и вместо того чтобы принять оборонительные меры и с честью постоять за себя, начали искренно ему аплодировать, оглашая воздух дружными восклицаниями: – Фора! Виват! Bravo!

Из театра они вынесли его, как победителя, на руках и церемониальным порядком доставили в гостиницу, которая была свидетельницей шумных оваций и большого кутежа, устроенного в честь Лукина.

На другой день, в той же гостинице, во время завтрака, к Лукину подсаживается англичанин и, с намерением подшутить над ним спрашивает:

- Вы русский?
- Да, русский, отвечал силач.
- Сильный и храбрый?
- Не из трусливых.
- И таки-таки ничего не боитесь?
- Ничего!
- Дайте я заколю вас!

Англичанин взялся за остроконечный нож и замахнулся на Лукина, который спокойно расстегнул свой мундир и, подставив англичанину обнаженную грудь, произнес:

– Колите!

Пораженный англичанин невольно отступил от храброго русского офицера и в восторге сказал:

– Молодец!

Покончив с завтраком, Лукин обратился почти с подобными вопросами к англичанину:

- Вы англичанин?
- Да, англичанин.
- Сильный и храбрый?
- О, еще бы!

– Ничего не боитесь?

– Ничего.

– Дайте я вам нос отрежу!

– Режьте, бойко ответил англичанин, не пожелавший сконфузить себя несогласием и придавая всему этому шуточный характер.

Лукин с серьезным видом взял тот самый нож, которым англичанин собирался его колоть и спокойно отрезал кончик носа храброго собеседника, поощрительно произнеся:

– Молодец!

Англичанин взвыл, но было уже поздно. За свою шутку ему пришлось жестоко поплатиться.

Говорят, что англичанин не только не рассердился за это на Лукина, но даже подружился с ним и, вылечившись, приезжал навестить друга в Кронштадт.

Рассказывают также, что Лукину в Англии предложили кулачный поединок. Вместо одного он вызвал разом четырех лучших боксеров и каждого из них по очереди перекинул через голову, ухватив за пояс.

Однажды Лукин был выслан на берег для приема такелаж с двадцатью матросами. На берегу в это время происходило шумное столкновение английских матросов с их канонирами. Лукин вмешался в спор и, наконец, вступил в борьбу с обеими партиями и в кулачном бою со своими двадцатью удалцами прогнал всех. В городе поднялся переполох. Жители спрятались в домах, а Лукин с песнями возвратился на корабль.

По приезде в Петербург, Лукин как-то приходит к своему приятелю, и не застаёт его дома.

– Как прикажете о вас доложить спросил встретивший его слуга.

– Поддай мне кочергу, сказал Лукин.

Слуга, недоумевая, вручил ему большую железную кочергу. Лукин без всякого усилия связал ее двумя узлами и отдал пораженному лакею, сказав:

– Когда приедет домой барин, подай эту мою визитную карточку, он разберет кто был.

Лукин посещал французские спектакли Михайловского театра. Однажды он заметил, что сидевший с ним рядом франт, перемигивается с дамами, сидевшими в ложе, и кивает головой на него. Те смеются. Лукин почувствовал, что он служит объектом каких-то насмешек для своего соседа по креслу. Однако он молчал, ожидая, что будет дальше.

А дальше было то, что франт с ним заговорил.

– Не правда ли, вы кажется, не понимаете по-французски? Спросил незнакомец Лукина.

– А вы это почему узнали? Невозмутимо произнес силач.

-- Да это сейчас же видно, продолжал франт, – поэтому-то я и хочу предложить вам свои услуги в качестве переводчика. Хотите я буду объяснять вам, что происходит на сцене?

– Сделайте одолжение, согласился Лукин.

Франт стал объяснять и умышленно понес чепуху. Сидевшие вблизи них, невольно прислушивались к этому забавному переводу и чуть ли не в лицо Лукина фыркали.

В продолжение целого акта франт говорил вздор, но когда занавес упал, Лукин громко спрашивает по-французски своего услужливого соседа:

– А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?

Франт сконфузился.

– Я не думал, не знал ...

– Вероятно, вы также не знаете, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?

– Извините ...

– Может быть вы слышали мою фамилию, – я Лукин.

Франт так и присел!

– Идите за мной! Сказал ему Лукин.

Тот беспрекословно повиновался.

Через минуту они были в буфете. Лукин приказал слуге подать два стакана пунша.

– Пейте!

– Не могу.

– Попробуйте ...

– Не пью.

– Не мое дело – извольте пить!

Лукин говорил таким тоном, что послушаться его франт побоялся. Морщась и захлебываясь, он опорожнил свой стакан и хотел было встать, но Лукин не дал ему двинуться с места.

– Выпьем еще!

– Клянусь честью, – не могу ...

– А заставлять других слушать ваш вздор – можете?! Человек, еще два стакана.

Как франт не отнекивался, однако, принужден был выпить второй стакан, за которым последовал третий, четвертый. Покончив с восьмым стаканом, франт чуть ли не потерял сознание, его замертво пьяного вынесли из театра на руках, а Лукин как ни в чем не бывало, несмотря на то же количество выпитого пунша, направился в партер досматривать спектакль.

У Лукина была любимая собака Бомс, отличавшаяся силой и смышленностью. Однажды, когда он проходил с нею по довольно глухой местности, на него нападают два мошенника. Один из них наведя на Лукина пистолет, хриплым голосом потребовал кошелек, другой стоял на некотором расстоянии, ожидая момента, когда его помощь понадобится для приятеля.

Лукин не растерялся.

– У меня, – сказал он, – денег нет. А есть дорогие часы.

– Давай часы! – Лукин сделал вид, как будто полез за часами, а сам уловил удобную минуту и схватил разбойника за руку с пистолетом. Тот застонал. На помощь ему кинулся второй злоумышленник, но стоило Лукину крикнуть своей собаке: «Бомс! Пиль!» как тот кидается на грудь незнакомца, бросает его на землю и победоносно наступает на него передними лапами. После нескольких пожатий, Лукин безбоязненно выпустил руку мошенника: она и пистолет оказались совершенно измятыми.

Пистолет он отобрал себе на память, а мошенников отпустил, напутствуя их советом в другой раз быть осторожнее...

Однажды императрица Мария Федоровна, лично знавшая Лукина, пригласила его обедать, в Павловск и за обедом пожелала видеть его силу.

Лукин взял две серебряные тарелки и свернул их в воронку так искусно, что нельзя было сказать, что тут были две тяжелые тарелки.

При отправлении из Кронштадта сенявинской эскадры, император Александр I посетил корабль «Рафаил», которым командовал Лукин. Заметив, что командир грустен, государь спросил о причине. Лукин ответил, что его угнетает предчувствие ...

– Какое?

– Не вернуться мне более на родину.

(Действительно, предчувствие его не обмануло: неприятельское ядро разорвало Лукина на две части в Афонском сражении).

Император, чтобы утешить его сказал несколько милостивых слов и пожелал иметь от Лукина что-нибудь на память об его силе.

– С удовольствием, – сказал Лукин.

Достал из кармана серебряный целковый, в то время большой и тяжелый, слепил из него как будто из воска чашечку и подал государю.

Графские забавы

Авантюрист граф Федор Толстой родом с московского Арбата. Американцем его нарекут после заморских плаваний. Среди его добрых знакомых были Пушкин и Жуковский, Грибоедов, Батюшков и Чаадаев. Князь Петр Андреевич Вяземский посвятил своему другу обширное послание в стихах,

где он назвал Федора Ивановича «американцем и цыганом». Слава графа была настолько велика, что в Москве еще при его жизни появился самозванец, выдававший себя за Американца. Современники полагали, что им был лицедей, который за бесплатный ужин и вознаграждение в 15 рублей ассигнациями рассказывал «монотонным голосом» небылицы о якобы своих путешествиях в дальние страны и женитьбе на туземке.

Граф Федор Иванович Толстой родился 6 февраля 1782 года в приходе церкви Харитония в Огородниках. В Москве сформировался характер будущего Американца и его сочный, подлинно московский русский язык. Сначала он обучался в Морском кадетском корпусе в Кронштадте, хотя курса так и не закончил. В конце 1797 года его произвели в портупей-прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка – чин, который в Табели о рангах считался унтер-офицерским. С этого небольшого чина началась служба и эксцентрические проказы.

По свидетельствам современников, граф в совершенстве владел всеми видами оружия. Превосходно стрелял и мастерски рубился на саблях. Фехтованию его обучал первый фехтмейстер в Европе Иван Ефимович Севербрик – преподаватель Первого кадетского и Пажеского корпусов, который давал уроки членам императорской фамилии. В один прекрасный день автор «Руководства к изучению правил фехтования на рапирах и эспадронах», побившись с учеником Толстым в офицерском классе, публично признал того за достойного партнера. Однако Федор бретером и хладнокровным убийцей не стал.

Он сделался одним из наиболее известных гурманов Первопрестольной, увлекшись кулинарным искусством. При этом граф пописывал вирши. Плохие. Зато во всем остальном он на голову превосходил окружающих, к чему всегда стремился. В первом десятилетии XIX столетия в России гостил французский воздухоплаватель Андре-Жан Гарнерен (1769–1823), который поднимался на аэростате в Москве и Петербурге. В столице компанию ему составил генерал С.Л. Львов, оправдавший свою грозную фамилию тем, что отважился на опасное предприятие.

Вероятно, и граф Толстой участвовал в воздушных путешествиях француза в июне или июле 1803 года. По крайней мере, об этом пишет автор лучшей современной биографии Американца Михаил Филин.

В августе того же года уже подпоручик Толстой отправляется в кругосветное путешествие на кораблях «Надежда» и «Нева» в качестве кавалера российского посольства в Японию. Во время десятидневного пребывания на Нукагиве Толстой сумел уговорить местного умельца покрыть его тело замысловатой татуировкой. Дело в том, что чем знатнее был островитянин, тем в большей степени он был покрыт тату. Конечно, достигнуть степени знатности короля людоедов Тапеги Кеттонове, с которым подпоручик подружился, Федору Толстому не удалось. Однако вся его грудь (в московских салонах Толстой потом будет с гордостью демонстрировать «насечки») сплошь была татуирована.

«В самой середине сидела в кольце какая-то большая пестрая птица, что-то вроде попугая, кругом какие-то красно-синие закорючки. Обе руки его тоже были сплошь татуированы, на них вокруг обвивались змеи и какие-то дикие узоры», – вспоминала племянница графа М.Ф. Толстая (в замужестве Каменская), которая в силу принадлежности к дамскому сословию не могла видеть всего тела дядюшки, демонстрируемого только кавалерам. «Почетная» наколка, сделанная русскому графу, свидетельствовала о том, что он принадлежит к высшей касте каннибалов.

Исследователь Михаил Филин последовательно рассматривает басни, сложившиеся вокруг имени Толстого, проверяя их на истинность. Мифы сопутствовали авантюристу на протяжении всей жизни. Не стало исключением и кругосветное плавание. В некоторых книгах или публикациях можно прочесть, что Толстой был списан на берег за то, что научил дрессированного орангутана мараить чернилами судовой журнал. Что примат якобы и проделал в каюте начальника экспедиции Крузенштерна.

На самом деле причиной списания Толстого на берег стало его вмешательство в конфликт, возникший между директором Российско-американской компании камергером Николаем Резановым и капитан-лейтенантом Иваном Крузенштерном. В результате «пешеходный турист» сделался Американцем, чем отличался от сотен (если не тысяч) потомков рода Толстых. Правда, Федор Иванович не был ни на Алеутских островах, ни на северо-западе американского континента, ни в Русской Америке. Знаменитая фраза из бессмертного «Горе от ума»: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом», касательная до Толстого, не верна. Граф сам распускал слухи. Так, Фаддею Булгарину он рассказывал, что «объездил от скуки Алеутские острова, посетил дикие племена Галошей (колоши или колюши – индейцы из группы тлинкитов), с которыми ходил на охоту». Несмотря на то что Толстой не был в Русской Америке, он все-таки остается Американцем.

Граф Толстой, известный под прозвищем Американца, хотя не всегда правильно, но всегда сильно и метко говорит по-русски. Он мастер играть словами, хотя вовсе не бегаёт за каламбурами. Однажды заходит он к старой своей тетке: «Как ты кстати пришел, – говорит она, – подпишись свидетелем на этой бумаге». – «Охотно, тетюшка», – отвечает он и пишет: «При сей верной оказии свидетельствую тетюшке мое нижайшее почтение». Гербовый лист стоил несколько сот рублей.

За обедом, на котором гостям удобно было пить с Фигаро из оперы Россини: *Cito, cito, piano, piano* (то есть сыто, сыто, пьяно, пьяно), Американец Толстой мог быть, разумеется, не из последних запевальщиков. В конце обеда подают какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяин настаивает, чтобы он попробовал предлагаемое, и говорит: «Возьми, Толстой, ты увидишь, как это хорошо; тотчас отобьет весь хмель». – «Ах Боже мой! – воскликнул тот, перекрестясь, – да за что же я два часа трудился? Нет, слуга покорный; хочу оставаться при своем».

Он же (Ф.И. Толстой) в одно время, не знаю по каким причинам, наложил на себя епитимью и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В самое то время совершились в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Проводы эти продолжались недели две. Что день, то прощальный обед или прощальный ужин. Все эти прощания оставались, разумеется, не сухими. Толстой на них присутствовал, но не нарушал обета, несмотря на все приманки и увещевания приятелей, несмотря, вероятно, и на собственное желание. Наконец назначены окончательные проводы в гостинице, помнится, в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, уже дорожная повозка у крыльца. Отъезжающий приятель сел в кибитку и пустился в путь. Гости отправились обратно в город. Толстой сел в сани с Денисом Давыдовым, который (заметь мимоходом) не давал обета в трезвости. Ночь морозная и светлая. Глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: стой! Сани остановились. Он обращается к попутчику своему и говорит: «Голубчик Денис,дохни на меня».

Князь *** должен был Толстому по векселю довольно значительную сумму. Срок платежа давно прошел, и дано было несколько отсрочек, но денег князь ему не выплачивал. Наконец Толстой, выбившись из терпения, написал ему: «Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу Вашего Сиятельства».

Американец Толстой говорит о (С.П. Жихареве): «Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его он покажется блондинкою».

Однажды в Английском клубе сидел перед ним барин с красно-сизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением, но видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит:

«Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки им незаслуженные?»

На корабле Федор Иванович (Толстой) придумывал непопулярные шалости. (...) Старичок корабельный священник был слаб на вино. Федор Иванович напоил его до сложения риз и, когда священник как мертвый лежал на палубе, припечатал его бороду сургучом к полу казенной печатью, украденной у Крузенштерна. Припечатал и сидел над ним; а когда священник проснулся и хотел приподняться, Федор Иванович крикнул: «Лежи, не смей! Видишь, казенная печать!» Пришлось бороду подстричь под самый подбородок.

Последняя его (Ф.И. Толстого) проделка чуть было снова не свела его в Сибирь. Он был давно сердит на какого-то мещанина, поймал его как-то у себя в доме, связал по рукам и ногам и вырвал у него зуб. Вероятно ли, что этот случай был лет десять или двенадцать тому назад? Мещанин подал просьбу. Толстой задарил полицейских, задарил суд, и мещанина посадили в острог за ложный извет. В это время один известный русский литератор, Н.Ф. Павлов, служил в тюремном комитете. Мещанин рассказал ему дело, неопытный чиновник поднял его. Толстой струхнул не на шутку, дело клонилось явным образом к его осуждению, но русский Бог велик! Граф Орлов написал князю Щербатову секретное отношение, в котором советовал ему дело затушить, чтоб не дать такого прямого торжества низшему сословию над высшим...

Каратель нравов и пороков

В первые годы текущего столетия был моряк С-н, побочный сын известного вельможи павловских времен, графа К-ва, человек блестящего образования, лингвист, необыкновенно остроумный, отважный до дерзости и в высшей степени благородный и честный. Он не мог равнодушно слышать

ни о малейшем нечестном или злом поступке. Это не был, как говорят, шалун – его шалости иногда доходили до грандиозного. За его проделки и проказы, несмотря на сильные родственные связи, его услали из Петербурга на службу в Архангельск, где он и прослужил несколько лет. Долго он оставался памятен тому городу, куда его закинула судьба, по той необычайной роли, которую он взял на себя и которую исполнял с необыкновенною смелостью, решительностью и редким счастьем. Он играл роль своего рода мстителя за угнетенных и слабых. Это был в полном смысле слова каратель пороков, и он навел страх на весь Архангельск или, вернее, на всех тех, у кого на совести лежало недоброе, несправедливое или злое дело.

Он перепорол если не всех взяточников и притеснителей, то большую часть угнетателей этого города. Особенно он был люто с местными шемяками и держимордами. И все ему сходило с рук. Благодаря большим денежным средствам, он подобрал себе ватагу из десяти отчаянных матросов, преданных ему душою и телом и готовых за него в огонь и воду.

Много платил он и своей тайной полиции, которую имел как в судебных местах, так и в частных домах. Ему сейчас же доносили, кто, где и когда совершил какую-нибудь мерзость. Вслед за этим у него составлялся суд и исполнение по возможности в скорейшем времени. Наказание, смотря по вине, большей частью состояло в отсчитывании виновному от пятидесяти до ста линьков.

Для достижения этой цели несколько тайных агентов С-на неусыпно следили за каждым шагом обреченной на линьки жертвы, и рано ли, поздно ли, будучи в масках, подкарауливали, завязывали ей рот, скручивали руки и увлекали в какое-нибудь глухое, пустынное место и там, под председательством мстителя, тоже замаскированного, исполняли приговор над осужденным. Немногим из мелких архангельских пакостников удалось избежать наказания.

А с одним крупным взяточником сделано было однажды следующее. Просидев долго в присутствии, возвращается он домой, но дома своего не находит: весь он был разобран по бревнам и сложен во дворе в правильную кучу. Все знали, что это были штуки С-на, все трепетали перед ним, но ничего нельзя было сделать, так хитро и ловко всё это учинилось. По своим связям, по своему богатству, уму и образованию, он был принят во всех лучших домах города. Начальником был там тогда добрейший человек С. П-в, любимый и уважаемый всеми, однако супруги его никто не терпел. Она была женщина необыкновенно гордая, заносчивая и вспыльчивая до полной невежливости.

Раз, играя в карты с нашим героем, она вспыхнула и дошла до того, что бросила ему в лицо карты, сильно поранив картою глаз.

На эту дерзость С-н не промолвил ни слова, подобрал с пола карты, стасовал их и снова сдал и, когда кончился робер, он сделал расчет, положил на стол деньги, им проигранные, и, сказав тихим и спокойным голосом: «я не могу продолжать игру», раскланялся и оставил дом гордой помпадурши. Терпение и смирение, высказанное благовоспитанным моряком, сильно рассердило и озлобило её. Ненависть её к нему дошла до того, что она принялась чернить его всюду и добилась, что из страха к этой важной губернской даме С-ну стали все отказывать от дома, а самые угодливые на улицах перестали даже узнавать и кланяться. Умный моряк смекнул в чём дело и поклялся строго наказывать виновницу этого несправедливого поступка. Начал он с того, что тотчас купил богатым подарком горничную своей превосходительной обидчицы и гонительницы. Горничная обязана была ежедневно доносить ему все верные сведения о том, что её госпожа делает, куда собирается, где бывает и т.д.

Вскоре в Купеческом собрании был назначен маскарад. Обидчица со своей приятельницей заказала у модистки

довольно характерный костюм. По получении этого известия у моряка явилась мысль, каким образом жестоко отомстить барыне. Он поехал к одному своему приятелю, у которого жила кухарка-шведка, довольно красивая молодая женщина, имевшая с его обидчицей много наружного сходства. Кухарка была из разбитных женщин. Он упросил её сыграть для него роль в будущем маскараде, и та без труда согласилась на предложение. Он отправился к модистке, у которой были заказаны платья. Последняя подрядилась сшить такой же костюм и для кухарки.

В день маскарада моряку дано знать, что важная барыня уже одевается и скоро будет в маскараде. Тогда кухарка, одетая в известный костюм, едет с моряком в карете. Приехав и не снимая салопа, она стала ожидать приезда барыни. Моряк идет в зал, у входа ловит одного довольно глуповатого гостя, завязывает с ним оживленный разговор и как будто невзначай загораживает вход в зал так, что не было возможности никому войти. Поэтому все приезжавшие на бал говорили ему: «Позвольте пройти». Моряк тотчас дает дорогу и снова занимает свою позицию у входных дверей. Но вот он замечает, что сзади приближаются две стройные дамы в костюмах – и одна из них важный его недруг. Постояв несколько минут при входе, в надежде, что моряк сам догадается пропустить их, она не выдержала и, не желая сказать «позвольте пройти», схватывает моряка своею могучею рукою за шитый воротник мундира, толкает его в грудь и вламывается в бальный зал.

В этот момент, отскочив от входа, моряк говорит: «Дерзкая маска!» и со всего размаху посылает ей ногою сильнейшего шлепка, который очень звучно раздался по залу.

Мгновенно все в зале стихло и все взгляды обратились на эту маску. В ту самую минуту в дверях появляется другая высокая женщина в таком же точно костюме, как и дама, получившая шлепок. Более дерзкая, чем находчивая, первая дама, вместо того, чтобы поскорее вмешаться в толпу масок и затем подобру-поздорову убраться, сдернула с себя маску и

закричала, задыхаясь от бешенства: «Дерзкий! Разве вы не знаете, кто я?» – «Ах, это вы! Простите меня великодушно, ваше превосходительство, я полагал, что это кухарка моего приятеля, известная всему городу. Я видел вчера на ней точь-в-точь такой же костюм, как и на вас. Если бы я знал, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволил бы себе того, что я сделал. Сообразите сами, мог ли я предполагать, что кто-либо из дам общества посмел меня схватить за воротник и толкнуть в грудь в публичном месте? Я предполагал, что только кухарка могла это сделать.

Да вот и она, – произнёс он, обратясь к той. – Прошу тебя снять маску». Кухарка сняла маску и продолжала довольно дерзко рассматривать важную даму. Важная барыня в сильном гневе пошла отыскивать своего мужа, чтобы пожаловаться на дерзкого офицера. Но муж, выслушав её, только пожал плечами и заметил: «Ты сама виновата во всем, вольно же быть тебе такою дерзкою? На месте офицера я сам сделал бы то же самое...»

Рассказывают, что этот губернский каратель нравов не чужд был странностей и в своей частной жизни. Оригинальным был дом, где жил этот моряк-проказник. Он помещался на окраине города, но каково удивление было каждого подъезжавшего к нему увидеть вместо обыкновенного загородного дома – корабль! В самом деле здание имело вид корабля – виднелась чистая палуба, на лафетах лежали пушки, качались паруса, флаги, виднелась и мачта с целым лесом веревочных снастей. Внутренность тоже ничем не отличалась от настоящего корабля: каюты содержались в совершенной чистоте, вместо кроватей качались койки. Хозяина встречал старик-матрос в полной форме: хозяин привык жить на море, все обычаи морской жизни он перенес на сушу, не изменив ничего и на своем сухопутном корабле.

Содержание

Домик Петра I	3
Гроза турок – Федор Федорович.....	4
Чичагов и монархи.....	6
х х х	7
х х х	8
Легендарный Лукин.....	8
Графские забавы	16
Каратель нравов и пороков	21

Использованные источники

1. Анекдоты графа Суворова. СПб., 1865.
2. Пыляев М. И. Старая Москва. СПб., 1891.
3. Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889.
4. Пыляев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 1898.
5. *Русский литературный анекдот 18 – начала 19 веков ...* М., «Художественная литература», 1990.